

ТЕОРЕТИЧЕСКОЕ НАСЛЕДИЕ

«НО ЛЮДЯМ Я НЕ ЛГАЛ...»

К 75-летнему юбилею Олжаса Омаровича Сулейменова

У.М. Бахтикиреева

Российский университет дружбы народов
ул. Миклухо-Маклая, 6, Москва, Россия, 117198

В статье представлены взгляды современников на научную и творческую деятельность ученого — филолога и философа — Олжаса Омаровича Сулейменова.

Ключевые слова: научные труды, гуманитарные дисциплины, культурный манифест, научный дискурс, Учитель.

«...Имею право ошибаться и признавать, и искать новые решения. Имею возможность высказывать свои суждения по табуированным проблемам... Ибо путь к сути лежит через суд, через непрерывно заседающий в тебе трибунал мысли.»

О. Сулейменов

О научных трудах своих Учителей писать не просто по многим причинам. Всегда остается *то*, что не поддается описанию, что дает тебе возможность называть человека **Учителем**. Писать не просто о книгах, к которым человек обращает-

ся постоянно на протяжении своей жизни. Среди ряда таких книг особое место занимают научные труды Олжаса Омаровича Сулейменова, для полного, объективного описания научной и творческой деятельности которого потребовалась бы многолетняя кропотливая работа во всех известных библиотеках мира, в которых он проводит значительную часть своей жизни. И все же ученики должны заговорить, чтобы Учитель услышал их. К благодарной аудитории учеников, беря на себя смелость и ответственность, мы относим людей, чьи работы, посвященные научной и творческой деятельности О.О. Сулейменова, представлены в данной публикации.

Особый импульс и основание для написания статьи придает «Целевая программа РУДН “Развитие НИР и НИОКР по тематике стран приема в 2011—2016 гг.”», в рамках которой реализуется специальная «Научная программа междисциплинарных исследований “Транскультурный мир в современном дискурсе”». Эта программа направлена на осмысление вопросов, связанных с постепенным переходом к Шестому Технологическому Укладу, в рамках которого появляются и проблемы гуманитарные, но системно переосмысленные и направленные на наступающую реальность нано-био-инфо-когнитивной революции. Эта революция может изменить природу человека, саму его онтологию. В складывающихся обстоятельствах становится очевидным, что без учета гуманитарных проблем, культурных, ценностных и этических измерений грядущий качественный технологический скачок способен похоронить человечество как вид. Поэтому особую ценность приобретают усилия по сохранению, возрождению, качественной трансформации гуманитарного измерения в науке, системе образования и в обществе в целом, тесно связанные с проблемами меж-, мульти- и в перспективе трансдисциплинарного комплексного знания.

В программе говорится также о том, что в рамках науки, социума и образования нового столетия дальнейшее сохранение монодисциплинарности и прежней модели генерирования, трансляции и передачи знания невозможно, по той простой причине, что оно не вписывается в новую архитектуру транскультурного мира, его субъекта и гносеологических оснований. В меняющемся мире и глобальной взаимозависимости возникают новые вызовы и условия, на данный момент плохо осмысляемые в рамках гуманитарных дисциплин, по большей части остающихся на периферии актуальных социальных дискуссий. Перед гуманитариями стоит задача активной трансформации и приближения гуманитарных наук к нуждам современного человека и мира, что требует иной логики и иного знания.

В складывающихся обстоятельствах трансдисциплинарный подход представляется наиболее конструктивным, поскольку предполагает исследование комплексных проблем одновременно и на нескольких уровнях и представляет собой принцип организации знания, основанный на взаимодействии дисциплин. Связанный с постнеклассической наукой, где знание неотделимо от субъекта, который его создает, транслирует и развивает, данный подход имеет более тесную связь с личным опытом исследователя и способен привести к общенаучной систематизации различных дисциплинарных знаний. Следовательно, все более насущными задачами становятся всестороннее развитие меж-, мульти- и трансдисциплинар-

ных исследований, включая изучение и осмысление культурных взаимодействий, встреч, обменов в контексте современных изменяющихся условий, преодоление ограничений национальных, культурных, языковых и академических форм знания и переосмысление традиционного инструментария философии, истории, искусствознания, филологии и других гуманитарных дисциплин, а также проблематики трансгуманизма и высоких гуманитарных технологий будущего (high hume), связанных с грядущей когнитивной революцией.

Полностью солидаризируясь и тесно работая с авторами предложенной концепции, в нашей статье мы представляем фрагменты работ ученых, позиции которых способствуют приближению гуманитарных наук к нуждам современного человека и мира. Научные труды О.О. Сулейменова, исследования, цитаты из которых приведены в данной работе, свидетельствуют о том, что задачи, стоящие перед современной гуманитаристикой, уже давно решаются учеными.

В современной науке имя Олжаса Сулейменова ассоциируется преимущественно «с нашумевшей и отвергнутой в свое время официальной монодисциплинарной и шовинистической советской критикой и наукой книги “Аз и Я”» (1975). «Книга благонамеренного читателя» — таково продолжение названия книги, которую не заметили или не хотели замечать критики, — воспринята как «трансдисциплинарный текст, который находится между научным исследованием, эссе, художественной литературой и культурным манифестом» [9. С. 5].

Автор книги «не раз обращал внимание читателя на то, что она адаптирована для несведущего в специальных вопросах лингвистики и потому на ней не стоит гриф академического издательства; это книга писателя, и адресат у нее определенный. Цель ее — заинтересовать широкого читателя кругом проблем, не выходящих за пределы академических институтов» [7. С. 588]. На заседании Академии Наук СССР 13 февраля 1976 г., посвященном обсуждению книги О.О. Сулейменова, «не поразила горячность, с которой большинство выступавших целиком отвергали все до единого положения книги. Это было зеркальное отражение стиля, присущего многим страницам книги, где, не приводя особых доказательств, автор покушался на устои всей индоевропеистики, археологии и тюркологии. Что таить, автор надеялся — у него потребуют доказательств, научно обосновывающих те публицистические заявления, которыми изобилует “Аз и Я”... Может быть, слишком горячо протестовал против превращения истории и лингвистики в кабинетные науки. Мечтал привлечь к ним одаренных людей, будущих деятелей этих наук, результаты которых прямо обращены на воспитание мировоззрения. И в качестве доказательства обоснованности моих гипотез я предполагал сразу же опубликовать труды, написанные вполне научно. Но расчет мой не оправдался. Книга, задуманная как эмоциональное предисловие, начало триптиха, неожиданно для меня была воспринята в качестве самостоятельной величины, где высказано окончательное суждение по всем вопросам, в ней обозначенным. И, соответственно этому, невежливость по отношению к трудам некоторых специалистов была воспринята как проявление вопиющей невежественности» [7. С. 588].

Книга, написанная в форме непривычного научного дискурса, произвела эффект разорвавшейся бомбы, потому что в ней была осуществлена попытка об-

ценаучной систематизации различных знаний, переосмыслен традиционный инструментарий гуманитарных дисциплин, преодолены ограничения академических форм знания.

Согласно статье известного журналиста и ученого историка Г. Толмачева, «Аз и Я» названа в журнале «Проблемы коммунизма» (1986) в числе пяти книг, которые подготовили перестройку сознания советского общества перед реформами [11. С. 381].

Принцип организации знания в «Аз и Я» основывается на взаимодействии дисциплин и неотделим от субъекта, создавшего это знание, транслирующего и развивающего его в трудах, появившихся позже. Очевидно, по этой причине небольшое число ученых смогли объективно ее охарактеризовать. Среди них наиболее точными, с нашей точки зрения, являются мнения востоковеда, блестящего знатока русского языка, писателя, посла и общественного деятеля Мурата Мухтаровича Ауэзова (Алматы, 1976), физика, публициста, поэта, правозащитника Евгения Дмитриевича Федюнькина (Дубна, 1997), доктора филологических наук, писателя, профессора РУДН Мадины Владимировны Тлостановой (Москва, 2004).

Полагаем, что в статье «юбилейного жанра», а также в силу того, что книги названных авторов уже являются библиографической редкостью, допускается включение более объемного цитирования, чем это принято в строго научной статье.

Статья Мурата Ауэзова под названием «Осененный выдохом вечности — Словом» была написана в 1976 г. в атмосфере развернувшихся гонений на «Аз и Я». Очевидно, эти строки М. Ауэзов взял из стихотворения О. Сулейменова (1975). «Опубликовать ее ни на казахском, ни на русском не удалось. Сейчас, по прошествии двадцати лет, соглашаюсь со всем, что в ней сказано», — предваряет М. Ауэзов свою статью в издании, опубликованном к 60-летию О. Сулейменова в 1996 г. Итак, обратимся к тексту.

Жанр книги не поддается традиционному определению. Логическую последовательность и научную аргументированность ее можно поставить в пример многим академическим трудам, так же как широкий кругозор и профессиональную компетентность ее создателя. В то же время это, безусловно, художественное произведение, и по степени воздействия на чувства читателя оно не уступает место лучшим образцам “мыслящей поэзии”, мастером которой О. Сулейменов признан давно и безоговорочно. Проблема соотношения поэтического и научного начал в мышлении поднимается в книге неоднократно, и мы вряд ли ошибемся, назвав протест против их категоричного противопоставления одним из главных внутренних импульсов, побудивших автора создать ее такой, какой она явилась в мир.

Затея изложить содержание книги была бы равносильна попытке уместить горный поток в аквариуме. О. Сулейменов представлен в ней многолико, и простое перечисление проявлений его многогранной личности потребовало бы множества специальных гнезд: в одном — славист, тюрколог, шумеролог; в другом — историк, лингвист, литературовед, философ; в третьем — этнограф, палеограф, знаток летописей; в четвертом — поэт, драматург, публицист; в особой графе — гражданин, общественный деятель и т.д. Объединенные в одной личности эти грани формируют собеседника ушедших и грядущих времен, воскрешая в памяти образ универсального мозга исторических ситуаций Возрождения.

Проницательно, с большой любовью к великому “Слову о полку Игореве”, прочитаны в книге “темные” места гениальной поэмы. Меня, как казаха, согревает обнаруженная и обоснованная Сулейменовым причастность тюркского языка XII в. к созданию шедевра русской литературы, неоспоримо подтверждающая его подлинную древность.

Но в большей мере восхищает осуществленное им восстановление первоначальной поэтики “Слова”, в ряде мест подвергшейся стерилизации под пером позднейших переписчиков и толкователей поэмы. Очищенное от наслоений “Слово” предстает монолитным произведением высокого драматического звучания. Общечеловеческое значение имеет ее центральная, как показывает Сулейменов, нравственная проблема: “свой — неправ”. Это редчайший в мировой литературе средних веков случай преодоления этнических пристрастий, пойти на которое мог действительно гениальный художник, любящий свой народ как частицу рода человеческого.

В скальных породах славистики Сулейменов добывает истину, круша на своем пути все, что стоит на ложных подпорках псевдонаучности и зауженного патриотизма. Но вот его исконное тюркологическое русло выходит на простор безмятежных равнин отечественной тюркологии. Боевой пыл сменяется досадой, язвительный сарказм — горькой иронией, утверждение истины — просвещением. Тяжелый вздох слышится в признании: “Как хотелось бы начать статью о шумерско-тюркских контактах с этой страницы, спокойно, не растекаясь мыслью по грустной современности нашей, но, к сожалению, в тюркологии невозможно решить самый частный вопрос, пока хотя бы не поставлены проблемы самые общие”. Еще вспыхивают гневные молнии в части “Шумер-наме”, разя “сапожников” от тюркологии, “молящихся, как буддисты ноге Будды, в тесной колодке индоевропейского сапога”, но в целом интонация в корне изменилась. В ней улавливается забота о создании новой тюркологии, подлинно научной, свободной от пожизненного школярства, от расовых и национальных предрассудков.

Книге суждена большая биография. «Не только потому, что долго в памяти потомков будут жить великие литературные произведения древности — шумерский эпос, поэзия древнетюркского каганата, “Слово о полку Игореве”, в исследовании и новом прочтении которых уже никто не сможет не считаться с коррективами Сулейменова. Еще остаются борющиеся за свое утверждение национальные культуры, и остается проблема восстановления подлинного родства народов мира в масштабах единой истории человечества. До тех пор, пока будут давать о себе знать рецидивы спекулятивной исторической “науки”, превращающей обзор пройденного народами пути в источник шовинизма и национализма, книга “Аз и Я”, в самом названии которого заложено представление об единстве мировой культуры, будет служить чистым, как сигнал боевой трубы, призывом к борьбе с лжепатриотизмом и лженаукой» [1. С. 159, 166].

Эссе Е.Д. Федюнькина «Склока о Полку Игореве» (1997—1998) [12] в нескольких разнящихся вариантах от оригинала находится в открытом доступе в Интернете. Начало, к счастью, везде остается неизменным.

«Эта детективная история началась в 1975 году. Главные действующие лица: Дмитрий Сергеевич Лихачев — академик, славист, бывший узник Соловецких

лагерей и Олжас Омарович Сулейменов — казахский поэт, пишущий на русском языке. Во второй половине 80-х годов демократическая пресса называла Дмитрия Сергеевича совестью нации, знаменем культурного обновления страны. Главный стержень, вокруг которого разворачивается интрига, — памятник древнерусской литературы XII века “Слово о полку Игореве” (СПИ — принятое в науке сокращение).

История интересна сама по себе, поскольку позволяет по-новому взглянуть на “Слово” и переосмыслить образы, пришедшие к нам из глубины веков. Попутно выяснится, какие события происходят в нашей славистике, как они переплетаются с текущей политикой и влияют на судьбы страны.

Возникающие по ходу дела проблемы заставят нас исследовать процесс возникновения великорусской нации, рождения и гибели Российской империи. Мы задумаемся о национальной идее, о столкновении Востока и Запада, о глобальных законах, определяющих эволюцию этносов, о судьбе человеческой цивилизации.

...Первая половина книги — профессионально выполненное исследование СПИ, посвященное, в основном, анализу его “темных” мест, которых немало... “Аз и Я” случайно попала ко мне в руки и произвела впечатление силой аналитического мышления автора. Я попросил своих друзей в Казахстане купить ее для меня. Они долго молчали, в 1976 г. пришел ответ: книга изъята из продажи, нераспроданный остаток тиража уничтожен. Персон, пытавшихся купить книгу, начинали сопровождать люди в штатском. (В 90-х годах я узнал, что в 1976 г. компетентные органы интересовались моим этническим происхождением!).

Заинтригованный, я стал читать научную литературу о “Слове” и занимаюсь этим, по мере возможности, до сих пор. Вот что я выяснил. Наука о “Слове” монополизирована Дмитрием Сергеевичем Лихачевым и его школой. Чужаков там не любят. Если таковые появляются, на них набрасываются скопом и рвут в куски. Покоробил уровень аргументации. Во многих случаях дело заканчивалось переходом на личность. Если снять академический флер, это выглядело так: “Ты же ничего не смыслишь, куда прешь со своим суконным рылом в наш калашный ряд!” В мои руки не попало НИ ОДНОГО издания “Слова”, в котором бы в том или ином качестве не присутствовал Дмитрий Сергеевич — либо переводчик, либо автор предисловия, послесловия, комментариев, либо редактор... Все-таки со времен царствования Иосифа I ситуация в стране изменилась. В защиту Сулейменова выступают литературовед академик А. Новиченко, тюрколог академик М. Нурмухамедова, писатели Ч. Айтматов, Э. Межелайтис, Р. Рождественский, бывший представитель СССР при ООН редактор журнала “Иностранная литература” профессор Н. Федоренко и др. Их отказываются печатать. Из письма, полученного О. Сулейменовым: “Постановка вопроса в Вашей книге, взгляд на историю, которая отнюдь не дышло — куда повернул, туда и вышло, мне близки и дороги как советскому писателю, как русскому интеллигенту, наконец, просто как человеку, с детства пристрастному к истории своего народа, такой, какая она есть, и со сладким, и с горьким... Ваш Константин Симонов, 21 сентября 1975 г.”

...Олжас на 13 лет лишен права на публикации. Руководил охотой, дирижировал погромом “серый кардинал”, член Политбюро ЦК КПСС Михаил Андреевич

Суслов. Кто-то должен был навести Суслова на след Сулейменова. Кто?...» [2. С. 488—518].

Ученый и писатель с особым ризоматическим мышлением, М.В. Тлостанова воспринимает «Книгу благонамеренного читателя» как «своего рода культурный манифест, где жанровая и родовая привязка и грани между романом, историческим размышлением, поэзией, этимологической задачей — перемешаны и стерты». Сравнивая О. Сулейменова с мексикано-американской писательницей Г. Ансальдуа, ученый представляет свою эпистемологическую позицию, дает емкую, нетривиальную характеристику, «провоцирующую» на рождение новых смыслов и бескомпромиссного диалога и, в частности, пишет:

«Эта дискурсивная зыбкость в свое время вызвала, как известно, негодование советского научного истеблишмента, особенно в лице ревностных защитников русской национальной традиции и культуры, которые усмотрели в книге Сулейменова попытку посягательства на величие созданного ими вторично европоцентристского мифа о России. Но интересно другое. Само позиционирование Сулейменова, казалось бы, близко Глории Ансальдуа в ее знаменитой книге о пограничье. Налицо та же попытка осмысления нескольких культурных традиций в динамике, эстетических закономерностей, не поддающихся интерпретации западными средствами, языковой, дискурсивной и эпистемологической привязки к другим языкам, иной системе координат. И ошеломляющий эффект оказался тоже сходным. Но все же между Сулейменовым и Ансальдуа существует и ощутимая разница. Дело в том, что сама субъектность в его случае достаточно традиционна для Российской империи, основана на синтезе и взаимодействии, на переплетении существующих традиций — в данном случае, российской и “азиатской”. Идея гибридности не выступает, как у Ансальдуа, в виде би- или поликультурности. Сулейменов — не дитя двух или нескольких культур, а скорее “субалтерн”, воспитанный на русской культуре, как носителя модернизации, и занятый в определенной мере, ее критической деконструкцией. Он как бы выполняет ранне-постколониальный проект переписывания господствующей традиции, но при этом не отрицает ее полностью, а пытается интегрироваться путем своеобразной тактики уподобления культуры колонизатора колонизированной традиции. Это момент, возможный далеко не во всех имперско-колониальных конфигурациях — так, нельзя представить себе индийского или африканского писателя, который доказывал бы происхождение британской культуры из одних и тех же корней, что и его собственная колониальная культура. В случае же с подчиненной империей — Россией — такая тактика оказывается вполне возможной, как это убедительно показал Сулейменов. Вместе с тем, идентификация авторов, подобных Сулейменову, все же объективно основывалась на мощной опоре на российскую культурную и эпистемологическую традицию... В западных работах, посвященных книге Сулейменова, в частности, в довольно удачной статье Харши Рама “Воображая Евразию: поэтика и идеология «Аз и Я» Олжаса Сулейменова” (Ram 2001), вопрос идентификации писателя справедливо связывается с внутренней российской традицией альтернативного европоцентризму мышления, от древнерусских стилизаций, распространившихся в авангарде, в частности, в творчестве футуриста

В. Хлебникова до печально известного лингвиста Н. Мара и неоевразийских выкладок Гумилева. Сама гипотеза Рама о возможных предшественниках Сулейменова в области *между* поэзией, историографией и лингвистикой выглядит безусловно заманчивой. Но на мой взгляд, фигуры Хлебникова и Мара в одном ряду с Сулейменовым смотрятся натянуто. Ведь история Сулейменова — это все же история “субалтерна”, это история Ариэля, поначалу обласканного режимом и действовавшего в почти полном соответствии с принципами тогдашней советской многонациональной литературы — “национальный по форме, советский по содержанию”, а затем неожиданно выкинувшего калибанский фортель. Позиция же Хлебникова, как и всего русского авангарда по отношению к Азии, все же скорее относится к разряду экзотизации, романтического увлечения иным, авангардного космического импульса всемирности и космополитизма, но при непременном сохранении собственной изначальной центральной позиции. В эту же парадигму экзотизации и евразийских увлечений, обусловленных антизападным импульсом русского авангарда в более широком общекультурном и гуманитарном смысле, укладывается и научное творчество Мара, которое, внешне выходя за рамки идеологизированного позитивизма раннесоветской поры, все равно ведется, в конечном счете, с западных эпистемологических позиций. Как и в истории других имперско-колониальных взаимоотношений, в формировании субъектности российского индивида, как и представителя ее незападных колоний, очень трудно отделить изначальный импульс соучастия с культурой-поработителем от внутренне зреющего отторжения и противостояния, которые часто формируются в среде воспитанной на культуре метрополии местной “колониальной” интеллигенции» [9. С. 123—124].

Обсуждаемые точки зрения далеко не всем читателям придутся по вкусу, но очевидно, что они — вовлеченные в диалог, в современный научный дискурс, способствуют порождению новых смыслов, поисков совместных выходов из тупиков.

На первом курсе университета мной были восприняты с обидой слова преподавателя, читавшего курс по древнерусской литературе, относительно «Аз и Я» и его автора, казалось, обращенные ко мне. Смысл их был таков: не Олжасу Сулейменову размышлять о великом памятнике русской культуры. Потом, после 90-х, нашлись оправдания: мой преподаватель был человеком своего времени. В те памятные времена автора «Книги благонамеренного читателя» некоторые критики в печати уподобляли «скотине, допущенной в русские древности», другие («свои») устно уличали его в том, что «продался русским за комсомольские премии», третьи — в «пантюркизме», «сионизме», четвертые — в «панславизме» [7. С. 589].

Беспощадная критическая кампания была развернута на страницах центральных журналов. Имеются в виду статья ученого-историка А. Кузьмина «Точка в круге, из которой вырастает репей» в «Молодой гвардии» (декабрь 1975); статья ученых Л.А. Дмитриева и О.В. Творогова «“Слово о полку Игореве” в интерпретации О. Сулейменова» в «Русской литературе» (№ 1, 1976); статья Ю. Селезнева «Мифы и истины» в «Москве» (№ 3, 1976); статья Д.С. Лихачева «Гипотезы темных мест “Слова о полку Игореве”» в «Звезде» (№ 6, 1976); стенограмма засе-

дания Академии Наук СССР (13 февраля 1976 г.), опубликованная в «Вопросах истории» и «Вопросах языкознания» (№ 9, 1976) — «Обсуждение книги Олжаса Сулейменова» и др. [7. С. 586].

М.А. Суслов обязал руководство Казахстана обсудить книгу на Бюро ЦК КП Казахстана с последующим покаянным письмом автора в газету. Заседание Бюро ЦК состоялось. В проекте постановления в нескольких местах встречаются такие слова: «исключить из партии», «освободить от работы». Речь шла о председателе комитета по печати, директоре издательства и других людях, способствовавших выходу книги в свет. О. Сулейменов написал письмо для публикации, но в газете вышел другой текст, исправленный непрошенными редакторами. Все попытки выступить с опровержением закончились неудачно. По истечении времени оригинал письма удалось найти в архивах ЦК [7. С. 586].

В известном «Открытом Письме» (1976 г.) члену Политбюро ЦК КПСС, первому секретарю ЦК КП Казахстана Д.А. Кунаеву и членам Бюро ЦК КП Казахстана О. Сулейменов писал:

«...Время от времени все науки испытывают счастливые (в конечном счете) для науки покушения со стороны “дилетантов”. При этом, естественно, затрагиваются интересы ученых, годы и годы посвятивших следованию традиционным теориям. Среди них и большие таланты, которые, даже сомневаясь в правоте догм, сочли более выгодным для себя “плутать со многими, чем искать дорогу одному”. Этот цинизм делает их наиболее яростными приверженцами устаревших теорий, давно вступивших в конфликт с практикой научных исследований. И тогда любое сомнение “со стороны” воспринимается как ненаучное, так как критерием научности (т.е. истинности) часто служат условные рамки установлений господствующей школы. Примеров тому накопилось множество. Академик Остроградский остался в истории науки своей фразой, которую он произнес на обсуждении работы дилетанта Лобачевского: “В этом, с позволения сказать, труде, все, что верно, то — не ново, а все, что ново — то неверно”».

*Да простят меня, что невольно ставлю себя в один ряд и с английским офицером, не имевшим даже низшей научной степени бакалавра, но открывшим тайну древнеперсидской письменности, и с банковским клерком, расшифровавшим ассирийские клинописи (а это позволило прочесть и шумерские письмены, отодвинувшие историю человечества на несколько тысячелетий вглубь). Но ведь жили и трудились во времена клерков и офицеров-самоучек сотни выдающихся профессиональных ученых, кому истина тем не менее не явилась. И, как ни печально для специалистов, но большинство открытий, качественно подвигавших вперед науки, особенно историко-лингвистические, были сделаны “неофициальными лицами”, которые не загромождали свое сознание беспрекословной верой в догматы школ, а подходили к ним критически. Они по наивности открывали новое, иногда просто не ведая законов, воспрепятствующих тратить на то усилия. А профессионал с вузовской скамьи усваивает правила — это можно, а это нельзя... Нет в науке проблем неразрешимых, но есть **неразрешенные**. Синонимично: **недозволенные** положениями господствующей на этом этапе научной школы... Какие бы чудовищные молвы обо мне не ходили, я считаю недостойным их опровергать... Прав*

был Тютчев, писавший, что поэты не знают, “как слово наше отзовется”. Пусть простят мне ученые критики, но в такой неадекватной реакции на мысли, высказанные в книге, повинен не только автор, но и историография, и лингвистика, со школ воспитавшие сознание “самостийности” каждой культуры, не внушившие через школьные и вузовские учебники марксистско-диалектический взгляд на историю, согласно которому любая большая и малая культура не упала готовой с неба, а явилась результатом, обобщением бесконечной череды взаимодействий, в которых процессы отталкивания не преобладали над процессами притяжения» [7. С. 587—590].

Ученый — филолог и философ — Олжас Сулейменов не изменяет себе. В книге «Язык письма. Взгляд в доисторию — о происхождении письменности и языка малого человечества» он определяет ее жанр как «повесть-аргумент, написанная в обосновании версии причинности графического и устного знаков от латинского: *argumentus* — 1) рассказ, повесть, 2) обоснование идей, 3) правдивость, 4) истина» [8. Т. 4/2. С. 312]. И далее: “Эта книга должна была появиться в конце 70-х. Причиной опоздания на двадцать лет явилась “Аз и Я”, вышедшая в 1975 году... Ни одно издательство не соглашалось печатать. Стихи — разрешено. Переиздавал поэтические сборники, но работу со словарями не бросал, надеясь, что появится возможность когда-нибудь этим заняться вплотную. Такой случай представился... Эта книга — подготовка к этимологическому словарю “1001 слово”. В ней объясняется метод анализа слова, отличающийся от традиционного тем, что происхождение слова рассматривается в генетической связи с графическим знаком-первоиероглифом» [8. Т. 4/1. С. 5, 10, 11].

Во вступительной статье «От автора» О.О. Сулейменов пишет: «...наукообразии не заменяет собой науку. Платон и Аристотель писали ясно. Иные диссертации, посвященные их трудам, прочесть возможно, но уразуметь их смысл так же трудно, как содержание этрусской “Книги мертвых” на полотне, обмотанном вокруг мумии.

По природе своей общественные науки должны быть хотя бы понятны обществу, иначе они не выполняют своего назначения. Самые глубокие и тщательные исследования дисциплин, которые принято называть также мировоззренческими, обязаны быть научно-популярными. Популярность, то есть народность изложения, должна стать одним из главных критериев оценки значимости произведения гуманитарной науки» [8. Т. 4/1. С. 14].

Манера изложения О.О. Сулейменова превращает читателя в со-автора: мы думали об этом, но не писали. Боялись, потому что так не принято. Приведем пример: «Историко-культурные соображения настояны на убеждении, что тюркские и славянские языки в римские, а тем паче — в доримские времена не существовали вовсе. В древней буквенно-письменной истории сведений об этих народах не найдено. Германцам повезло: римские писатели упоминают их хотя бы в образе варваров в первые века новой эры... Ни славянизмов, ни тюркизмов в латыни никто не искал.

В своей программе, которую, может быть слишком амбициозно определил как возрождение истории неисторических народов, тюркским и славянским мате-

риалам отводились поначалу самые верхние пласты стратиграфии. Но потом все чаще стал встречать их на нижних этажах... Выявляемые фонетические и морфологические закономерности помогут обогатить “историко-культурные соображения” фактами, допускающими тюрко-славянское присутствие в античном Среднеземноморье и Древней и Передней Азии» [8. Т. 4/1. С. 250, 252].

В книге «Тюрки в доистории. О происхождении древнетюркского письма» О.О. Сулейменов развивает эту идею: «Больше века славянские и тюркские языки изучались изолированно друг от друга. Сегодня мы начинаем понимать, что это противоречило природе взаимозависимого развития этносов, знавших на протяжении прошедших тысячелетий длительные периоды двуязычия» [8. Т. 5. С. 5].

Говоря о восстановлении иероглифического знака для слов древнейшего образования, О.О. Сулейменов высказывает мысль и о том, что **«славяне и тюрки вместе осваивали процесс (И) знакового освоения мира»** [5. С. 472].

Привлекает внимание предположение О.О. Сулейменова о том, что кириллица не была первой письменностью славян, до нее определенно существовало «языческое» письмо «черты-резы». Возможно, руника, памятники которой были обречены на уничтожение. И если бы Кирилл не использовал некоторых из ее работ, мы бы, возможно, никогда о ней никаких подробностей не узнали. Более того, болгарское наследие («черты-резы») — уверен О. Сулейменов — не было началом славянской письменности. Он считает, что протославяне знали и иероглифическое письмо, и раннебуквенное, о чем, по его мнению, «определенно и твердо говорят термины письма, существовавшие в славянских языках до появления святого Кирилла с византийскими книгами. С ними в средневековье пришли такие слова греческого происхождения, как *грамота, грамматика, графика, графит*. Но основные термины письма и знания, такие как — *буква (бук, буквы), ук (наука, навык, учи, учить, читать, считать), книга, пись (пиши, писать, письмо)*, возникли тысячелетиями раньше и не имеют к греческому словарю никакого отношения. **Чего не скажешь о словарях тюркских.** Даже *карандаш* — сложное *karandas* — «темный камень» (черный), «*графит*» (тур.) [5. С. 472]. Сказанное является подтверждением необходимости пересмотра истории русской языковой культуры в его взаимодействии с другими языковыми культурами. Предпринимающиеся исследования в данной области (напр., проф. В.А. Чудинов [3; 4]) свидетельствуют о важности этого вопроса.

О.О. Сулейменов считает, что **благодаря редкостному консерватизму русского и казахского языков они достаточно ответственно представляют свои семьи — славянскую и тюркскую:** «Сопоставляя грамматические нормы этих языков, мы восстанавливаем страницы истории взаимоотношений языков, а значит этносов, не запечатленные в письменных хрониках. И каждое неслучайное совпадение мы будем расценивать как исторический памятник, объективный документ, живой отголосок, озвучивающий темную немоту вечности» [5. С. 307].

Актуальными остаются размышления ученого для современной науки: «На пороге новой эпохи глобализации по-иному осмысливается опыт былых, прежних. Особенно это важно для народов, не знающих свое прошлое. Не чувствуя своих корней, древо жизни этноса превращается в голый, сухой столб, без коры

и кроны, которая являет собой зеркальное отражение корневой системы. Чем беднее корни, тем худосочней листва и ветви. Чахлые, редкие плоды не успевают вызреть и дать полноценные семена. У народов, не успевших осознать глубину своего прошлого, нет будущего» [8. Т. 5. С. 434—435].

Можно приводить огромное количество цитат из научных и научно-публицистических трудов О.О. Сулейменова, по сути своей являющихся программными для каждого исследователя и отнюдь не только гуманитария. Научные и художественные труды, общественная деятельность, в том числе в качестве Председателя русофонной группы Генеральной Конференции ЮНЕСКО (с 2002 г.) ждут своего осмысления.

Появится ли когда-нибудь книга-исследование, в которой плодотворно осуществится попытка описать глобальное явление — Олжас Сулейменов? Едва ли. Для этого надо быть поэтом, писателем, мудрецом, надо быть наравне с Учителем. Но продолжают появляться новые диссертационные работы, научные статьи, посвященные исследованиям поэзии, прозы, публицистики Олжаса Сулейменова (чему необходимо посвятить еще не одну статью). Все потому что для нового поколения исследователей, как и для нас, очевидно, что Сулейменовское слово породило цепную реакцию со-причастия к Счастью познания. Научные труды Олжаса Омаровича Сулейменова наряду с другими здоровыми силами общественного развития продолжают участвовать в формировании и развитии духа времени. Как и знаменитый «измеритель температуры» эпохи — «Аз и Я», они играют огромную роль в создании морального критерия эпохи, в суде над отмирающими явлениями в науке, в самой жизни, в зримых и незримых течениях, формирующих исторический процесс. Одним из его Учителей остается Олжас Омарович Сулейменов, которого благодарные ученики поздравляют с юбилеем. Выражаем надежду на то, что среди нас найдутся те, которые будут дискутировать с Вами и спорить, и будут достойно отвечать Вашему духу *борьбы*¹.

ЛИТЕРАТУРА

- [1] *Ауззов М.М.* Осененный выдохом вечности — словом // В кн.: Вместе с Олжасом. Издатель АО «Каздизайн». RDW-Baumbach, Германия, 1996. — С. 159—166.
- [2] *Бахтикиреева У.М.* Мой Олжас // Научно-популярный журнал «АС-АЛАН». — Люберцы, Моск. обл.: Изд-во «Мир дому твоему». — 2003. — № 1(10). — С. 480—488, 519—520.
- [3] *Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* К вопросу об интеграции языка, истории и культуры на рубеже веков // Вестник КазНУ им. Аль-Фараби. Серия филологическая. — 2009. — № 4 (120). — С. 174—178.
- [4] *Бахтикиреева У.М., Синячкин В.П.* К вопросу о новых лингвистических гипотезах // Сб. статей / I Международная научно-методическая конференция «Состояние и перспективы методики преподавания русского языка и литературы». 1—3 ноября 2008 г., РУДН, Москва. — М.: Изд-во РУДН, 2008. — С. 496—503.
- [5] *Сулейменов О.О.* Тюрки в доистории // АС АЛАН. — М.: Мир дому твоему. — 2002. — № 3(8) — С. 249—547.

¹ См. *Сулейменов О.О.* Мне нужна ситуация борьбы и соперничества // Новости Центральной Азии от 15.02.2007. URL: <http://www.fergananews.com/article.php?id=4908>

- [6] *Сулейменов О.О.* Азия. Книга благонамеренного читателя. — Алма-Ата: Жазушы, 1975.
- [7] *Сулейменов О.О.* Эссе, публицистика. Стихи, поэмы. Аз и Я. — Алма-Ата: Жалын, 1989.
- [8] *Сулейменов О.О.* Собрание сочинений в 7 т. — Алматы, 2004.
- [9] *Глостанова М.В.* Жить никогда, писать ниоткуда. Постсоветская литература и эстетика транскulturации. — М., 2004.
- [10] *Толмачев Г.* Повесть об Олжасе: Докум. повесть. — Алматы: РПО «Кітап», 1996.
- [11] *Толмачев Г.* Буря над книгой // Собрание сочинений в 7 т. — Т. 3. — Алматы, 2004. — С. 370—381.
- [12] *Федюнькин Е.Д.* «Склока о полку Игореве». URL: <http://cv.jinr.ru/~bljv/igor.htm>; также см.: URL: <http://www.balkaria.info/library/f/fediunkin/spi.htm> (Материалы эссе частично были опубликованы в разных номерах газеты «Вести Дубны» в 1997—1998 гг.).

«...BUT I DID NOT LIE...»

To the 75 anniversary of the Olzhas O. Sulejmenov it is devoted

U.M. Bakhtikireeva

Peoples' Friendship University of Russia
Miklukho-Maklay str., 6, Moscow, Russia, 117198

The article is devoted to the 75th anniversary of Olzhas O. Sulejmenov. Opinions of the modern scientists on the scientific and creative activity of the researcher — philologist and the philosopher are presented.

Key words: works of science, humanitarian disciplines, the cultural manifesto, a scientific discourse, the Teacher.